

Старшая невестка Сюн осталась ждать снаружи, а родители Сюн вошли в дом, чтобы поговорить с Тан Шоу наедине. Они пришли с одной целью: уговорить Сюн Чжуаншаня лично выступить и отстоять честь семьи. Без него, его влияния и авторитета, они бы ничего не добились. Их сыновья, как они понимали, не справятся: один из них — зять семьи Чжао, а у семьи Чжао за спиной стоит вся деревня Сяонань. Без сильной опоры им там ничего не светит.

Но Тан Шоу не стал сразу давать согласие. Он перевёл взгляд на Сюн Чжуаншаня, зная, что между ним и семьёй давние счёты, и без его воли вмешиваться в это дело он не будет. Всё зависело от его решения.

Сюн Чжуаншань холодно проговорил:

— Встать на защиту я могу. Раз уж семья Чжао осмелилась подбить выданную замуж дочь на то, чтобы украсть дело семьи Сюн, пусть теперь готовятся платить. Но если я за это возьмусь — пусть никто не посмеет в спину мне нож воткнуть.

Отец Сюн серьёзно кивнул:

— В этом ты можешь не сомневаться, А-Шань. Всё будет по-твоему — как скажешь, так и будет. Мы никому не позволим сесть нам на шею и в дерьмо нас окунуть. А что до далана... Если он, как муж, не может удержать свою жену, не может сам с ней справиться — тогда, как отец, я сам за него разберусь. Если у неё на самом деле сердце больше не с нашей семьёй, если она считает, что мы ее недостойны, что муж её ей не пара — пусть идёт. Семья Сюн никого силой не держит. Хочет уйти — дверь перед ней открыта, пусть ищет себе ровню.

Услышав слова отца, Сюн Чжуаншань сразу понял, как следует действовать. Он не стал поднимать деревню, не звал народ — просто взял с собой всех членов семьи Сюн и напрямиком направился в деревню Сяонань, в дом семьи Чжао.

Имя Сюн Чжуаншаня в деревне Синьхуа давно стало грозным, и вовсе не напрасно. Едва войдя во двор семьи Чжао, он, не сказав ни слова, с ходу ударом ноги опрокинул пароварку — крышка отлетела в сторону, а полусырые пироги разлетелись по полу. Несколько женщин, занятых выпечкой, от страха закричали.

Братья Чжао с шумом выскочили наружу и, увидев, что к ним заявили родители Сюн, даже не почувствовали за собой вины — наоборот, тут же с вызовом заголосили:

— Это ещё что за дела? Что вы себе позволяете?

Жена Сюн Тэ — старшая дочь семьи Чжао — выскочила вперед, бросилась в объятия братьев и зарыдала, как будто её кто-то действительно смертельно обидел.

Родители семьи Чжао — отец и мать — тоже выбежали на шум. При виде разгромленной кухни

сначала на мгновение в их глазах мелькнула растерянность, но вскоре привычное чувство превосходства над семьёй Сюн взяло верх, и мать Чжао с видом полнейшей правоты громко заявила:

— Кум, вы что себе позволяете?! Моя дочь что, убила кого-то? Чем она провинилась, что вы явились сюда с кулаками? Это дом Чжао, а не ваше место для безобразий!

Чжан-апо лишь холодно хмыкнула:

— Мы, значит, безобразничаем? А вы, семья Чжао, хорошо себя ведёте, да? Ну что ж, раз вы так не понимаете, давайте я сегодня всё как следует расскажу — пусть вся деревня Сяонань знает, что у вас за семья!

Семья Чжао, как ни крути, дорожила своей репутацией. Хотя они и подтолкнули выданную замуж дочь украсть у семьи мужа секрет их ремесла и передать его родным — всё это они делали, полагаясь на то, что семья Сюн — мягкая хурма, годами терпела их унижения, подстраивалась, не смея сказать ни слова поперёк. Потому-то и в этот раз были уверены: проглотят обиду молча, как обычно.

Однако, увидев, что семья Сюн пришла разбираться, отец Чжао резко повысил голос:

— Кума, не смей наговаривать! Что мы такого сделали, а? Ничего! — И тут же, с холодным прищуром, добавил с явной угрозой:

— Подумай-ка о своём далане.

Отец Сюн усмехнулся, громко хмыкнул:

— Чжао Лао-эр, тебе бы самому в зеркало посмотреть! Дела делаете без совести, а теперь ещё смеешь угрожать? Да посмотри на свою старшую дочь! Вышла замуж — и первым делом тянет руки к чужому добру и тащит к своей родне! И теперь, когда семья мужа пришла за ответом, вы, вся ваша семейка, делаете вид, будто так и должно быть?! Вот с такими-то нравами, с такой-то дочерью — спасибо, нам такого не надо! С семьёй Сюн она с этого дня не имеет ничего общего.

Жители деревни Сяонань уже давно были наслышаны: в деревне Синьхуа, в семье Сюн, появился новый фулан — Сюн Чжуаншань купил себе супруга, который владеет искусством приготовления сладостей. Эти пироги, маленькие, с ладонь, стоят по целому вэню за штуку и при этом расходятся влет. Многие из деревни Синьхуа теперь скупают сладости в доме Сюн, а потом перепродают — за день можно заработать пару десятков вэней. В деревне Сяонань уже давно поглядывали в ту сторону, подумывая наладить поставки, да только опасались: пустят ли чужаков, не откажут ли в продаже.

Позже старшая дочь семьи Чжао — та самая, что вышла замуж в дом Сюн — вернулась домой и пробыла там всего три дня. Этого оказалось достаточно: теперь семья Чжао тоже овладела рецептом приготовления сладостей. Изготовленные ими пироги внешне ничем не отличались от тех, что продавались в деревне Синьхуа, и даже вкус был почти один в один. Жители деревни Сяонань решили попробовать: стали торговать ими и — как и гласили слухи — сладости действительно разлетались на ура. За один день можно было заработать несколько десятков вэней. Так что, хотя многие и догадывались, как Чжао получили рецепт, никто в деревне в этом вопросе не лез — молчали, делали вид, будто не в курсе. В конце концов, семейное дело — не их забота.

Но теперь, когда семья Сюн пришла и всё выставила на показ, деревенские только переглянулись: ну да, мы так и думали.

На лицах членов семьи Чжао выступил румянец — от стыда, как от пощёчины. Но они даже не успели по-настоящему осознать слова отца Сюн. Одна лишь старшая невестка, жена Сюн Тэ, застыла, как громом поражённая. Его слова "нам такая не нужна" гудели у неё в голове, будто в пустом сосуде. Она в душе яростно мотала головой — не может быть, они не посмеют! Не могут выгнать! Если выгонят — кого ещё себе найдёт Сюн Тэ?

Чжан-апо шагнула вперёд:

— Я вас спрашиваю: вы продавали эти сладости несколько дней — как собираетесь возмещать нам убытки?

Отец Чжао тут же, не моргнув глазом, начал отговариваться:

— А у тебя есть доказательства, что это моя дочь украла ваш рецепт? А я вот скажу, что это наш семейный рецепт! Просто раньше забыли, а теперь вот вспомнили... А-а-а!!

Договорить он не успел.

Его слова перерезал... тяжёлый разделочный нож для забоя скота. Лезвие длиной в чжан, шириной в три пальца, со свистом прошло в сантиметре от головы отца Чжао — и срезало половину его длинных волос, что тут же упали на землю.

Он застыл, почувствовав холодок у кожи черепа, медленно опустил взгляд — и увидел у своих ног охапку собственных чёрных прядей.

А напротив него стоял тот самый Сюн Чжуаншань, излучающий мрачную, почти осязаемую ярость. Всё его существо источало гнев и угрозу. В руке он сжимал длинный мясницкий нож, в глазах — пламя. Вид у него был такой, будто он в любой миг готов снести голову, не моргнув.

Чжао-далан кинулся вперёд, заслонив отца собой — он уже собирался броситься в драку с Сюн Чжуаншанем.

— Ты... — выдавил он.

Тут все увидели, как Сюн Чжуаншань одной рукой подхватил Чжао-далана, будто цыплёнка, приподнял его в воздух и начал крутить, как тряпичную куклу. Чжао-эрлан кинулся спасать старшего брата, сжимая в руке деревянную дубинку, на лице — вся отвага мира. Только вот не успел он добежать, как Сюн Чжуаншань ударом ноги отшвырнул его прочь, и тот, пролетев несколько метров, тяжело грохнулся об землю.

А Чжао-далан тем временем, продолжал кружиться в воздухе, пока Сюн Чжуаншань с силой не метнул его прямо в уже поднимающегося с земли брата. Раздался глухой хрип — Чжао-эрлан, сбитый словно мешком, едва не выдохнул все внутренности.

— Бей! — рявкнул Сюн Чжуаншань.

Отец Сюн и Сюн-санлан, не медля ни секунды, схватили палки и начали крушить всё, что попадалось под руку. Даже Чжан-апо не отставала, смахивала с печи всё: глиняные кувшины, паровые корзины, горшки — всё разлеталось вдребезги.

Среди жителей деревни Сяонань нашлись те, кто, хоть и считал, что семья Чжао поступила неправильно, но надеялся, что с появлением рецепта сладостей для деревни откроется путь к заработку — и попытались было вмешаться, чтобы остановить разгром.

Но тут Сюн Чжуаншань с мясницким ножом наперевес встал поперёк дороги, словно каменная стена. Один против всех — и даже не дрогнул.

— Сюн Чжуаншань здесь! — гремел его голос. — Посмотрим, кто осмелится совать нос!

Сюн Чжуаншань! Сам! Услышав это имя, вся деревня мигом стушевалась. Ну конечно... Кто ж не знает в округе: этот здоровяк из деревни Синьхуа в войну столько людей положил, что с тех пор стал... особенным. Ходили слухи — если пару дней никого не убьёт, его трясёт, ломает, будто в горячке. Говорят, чтобы не зарываться, режет скот — иначе плохо становится.

Кто теперь рискнёт? Глядеть-то ещё куда ни шло, да кто со своей жизнью шутить станет?

Толпа моментально рассыпалась. От «зрителей» не осталось и следа — как ветром сдуло. Кто шутит с безумцем?

А Сюн Чжуаншань к тому же был известен тем, что и женщин не щадит. Это знала каждая — и ни одна женщина в семье Чжао не осмелилась двинуться с места. Жена Сюн Тэ к тому моменту уже и вовсе окаменела от страха — глаза остекленели, губы побелели, мысли в голове

разбежались.

Когда семья Чжао была уже почти полностью разгромлена, отец Сюн наконец отозвал сыновей и сделал шаг вперёд:

— Платите деньгами или отвечаете жизнью?

Теперь уже никто из семьи Чжао не посмел воспринять его слова как простую угрозу. Все спешно заголосили:

— Деньгами! Деньгами... только деньгами, пожалуйста...

Отец Сюн, который ещё никогда в жизни не ощущал себя столь властным в доме Чжао — раньше ему и кивнуть позволяли только низко, с вежливым поклоном, — теперь стоял с расправленными плечами и с бравадой обернулся к Сюн Чжуаншаню:

— А-Шань, сколько?

— Три ляна серебра, — спокойно, но безапелляционно сказал Сюн Чжуаншань.

— Три... три ляна?! — отец Сюн даже заикнулся, бросив на сына вопросительный взгляд, не ослышался ли.

— Наш общий заработок составляет чуть больше двухсот вэней, — спокойно пояснил Тан Шоу. — А семья Чжао за десяток дней сбыта уже выручила больше двух тысяч. Дополнительная тысяча вэней — это компенсация за моральный ущерб, нанесённый семье Сюн вашей доброй дочерью!

Моральный... что? Кто вообще морально пострадал и где это у него болит?.. Кто-нибудь, объясните!

Но вслух никто ничего не сказал. Семья Чжао не смела даже пикнуть — лишь кивала, сглатывая страх. Отец Чжао стиснул зубы до скрежета:

— Хорошо... я заплачу.

Но и этим всё не закончилось. Когда серебро было передано, Тан Шоу холодно добавил:

— Это ремесло принадлежит дому Сюн. Если семья Чжао посмеет ещё раз использовать его для обогащения или передаст его посторонним, и мы об этом узнаем... в следующий раз разговор будет не такой мирный.

Если это ещё называется «мирный разговор», то что же тогда «жесткий»? Об этом в семье Чжао даже не хотели думать. Тем более никто уже и близко не осмеливался помыслить о повторной попытке сбыта чужого рецепта.

Хотели украсть курицу, но рассыпали рис* — остались и без добычи, и с разбитым лицом. Ни пирогов, ни покоя, ни гордости. Вот она, классика: за лисой гнались, а в грязи вывалялись...

(ПП: Метафора, обозначающая человека, который пытается извлечь выгоду, но в итоге терпит убытки)

Семья Сюн, добившись справедливости, вышла из двора Чжао с гордо поднятыми головами. Все, кроме одного человека, чувствовали удовлетворение.

А старшая невестка, жена Сюн Тэ, будто осталась позабыта всеми. Ни один из семьи Сюн не взглянул на неё — даже муж, Сюн Тэ, не осмелился бросить взгляд в её сторону. После такого скандала с семьёй Чжао у него просто не хватило духу, чтобы просить о чем-либо.

— Муж... — дрожащим голосом окликнула она.

Он застыл на месте, обернулся к ней с мукой в глазах — и промолчал.

Только тогда вся семья Сюн, как будто впервые заметив, что их невестка осталась позади, окинули её взглядом.

Чжан-апо с ледяной усмешкой проговорила:

— Раз уж всё твоё сердце у родни, то и оставайся у них. Посмотрим, как твои родители, братья и их жёны будут к тебе относиться.

Но и без проверки старшая невестка Сюн уже всё поняла. Дом Чжао разгромлен, семья унижена — и вся эта злость, вся эта сдерживаемая обида неминуемо обрушится на неё. Да, когда-то родители её действительно любили, но то было до замужества, когда она была старшей дочкой, центром внимания. Тогда братья ещё не были женаты, и все силы семьи сосредотачивались на ней.

Теперь же, когда в доме появились две невестки, она — выданная замуж, чужая — стала в этом доме лишней. У неё больше нет ни прав, ни места. Раньше она не хотела себе в этом признаваться. Но теперь поняла всё до предела ясно.

Какая разница, насколько её любили, если достаточно пары слов от братьев и их жён, чтобы родная мать и отец забыли, что случится с выданной дочерью, если всплывёт подобное — как это ударит по её браку, по её положению, как её могут выгнать. Разве кто-то об этом подумал? Разве кто-то заступился?

Если семья Сюн её теперь не примет — куда она пойдёт? Что с ней будет?

Даже если в эпоху Юй правила были довольно снисходительны к женщинам, которых мужья выгоняли из дома, всё равно многое зависело от обстоятельств. А уж если невестка украла у семьи мужа ремесло, приносящее доход, и передала его своим родным — с таким пятном на репутации ей нигде не светило хорошего обращения.

Невестка Сюн зарыдала, закрыв лицо руками, да только поздно раскаиваться.

В семье Чжао сейчас никто и думать не хотел о ней. В такой холод, когда весь дом разгромлен, печи разбиты, посуда в черепки, стены продувает насквозь — вот что действительно требовало внимания.

Когда семья Сюн вернулась в деревню, Чжан-апо хотела передать полученные серебряные ляны Сюн Чжуаншаню. Всё ведь удалось лишь благодаря ему — без его имени и силы в деревне Сюнань никто бы и слушать их не стал. По сути, он оборвал деревне путь к новому доходу.

— Мама, оставьте серебро себе, — сказал Тан Шоу. — Раз уж ремесло передано вашей семье, значит, это уже ваше. К тому же вы и пострадали сильнее всех.

Сюн Чжуаншань даже не взглянул на серебро. Чжан-апо знала его характер: если сказать лишнее — он опять вскипит.

Возвращаясь домой, Тан Шоу шёл с задумчивым видом. Сюн Чжуаншань заметил это:

— Что случилось?

— Я... думаю о четвёртой сестре, — вырвалось у Тан Шоу.

— О Сы-нян? — голос Сюн Чжуаншаня сразу стал ледяным. Его фулан... думает о женщине?

— Нет, нет! — Тан Шоу тут же испугался, отчаянно замахал руками, как провинившийся щенок, пытающийся выпросить прощение.

Сюн Чжуаншань начал медленно приближаться, и каждый его шаг отзывался тяжестью в груди Тан Шоу — сердце трепетало, как у зверька, загнанного в угол.

— Тогда что ты имел в виду? — голос был хриплый, тяжёлый, взгляд опустился на губы Тан Шоу, в глазах — жажда, такая, от которой мороз по коже. Всё выражение его лица кричало: ещё слово — и я наброшусь.

За спиной Тан Шоу была стена, и отступить было некуда.

— Я... просто, увидев, каково пришлось старшей невестке в её семье, невольно подумал о четвёртой сестре. Сейчас семья Сюн едва держится, боюсь, что ей в семье мужа тоже живётся нелегко. Всё-таки выданная дочь — самая несчастная. Для семьи мужа она чужая, для родни — тоже, словно перекасти-поле, у которого нет корней... Вот я и подумал, нельзя ли чем-то помочь.

Ответ, похоже, не удовлетворил Сюн Чжуаншаня. Он ухмыльнулся — краешек губ поднялся в жестокой, угрожающей усмешке, и прошептал:

— Значит, мой фулан всё-таки думает о женщине.

Голос — мягкий. А действия — грубые до жестокости. В одно мгновение он подхватил Тан Шоу, прижал к себе и с грохотом швырнул на старую, скрипучую деревянную кровать.

— Тан Шоу, — проговорил он, нависая сверху, пальцем горячо ткнув ему в грудь, — ты мой человек в этой жизни, и ты мой призрак после смерти. Ты можешь быть только моим фуланом. И в твоём сердце... тоже должен быть только я. Понял?

— По... понял, — заикаясь, прошептал Тан Шоу.

<http://bllate.org/book/13592/1205345>